

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ИЛИ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ТУРИСТА-КАВАЛЕРИСТА.

(Англія, Франція, Італія, Австро-Венгрія и Германія).

(Статья третья) ¹⁾.

Но поводу описанной мною охоты интересно замѣтить, что хотя, за время этой охоты, мнѣ ни разу не пришлось спѣшиться, тѣмъ не менѣе подпруги у моего сѣдла мало ослабѣли. Читатель спросить, можетъ быть, былъ-ли какой нибудь особенный приборъ или пружина, удерживающіе подпругу на мѣстѣ, а то такъ-ли уже крѣпко ее при сѣдловкѣ утромъ подтянули, что она, несмотря на непрерывную гонку въ теченіе всего дня, держалась на мѣстѣ до поздней ночи? Нѣтъ, тамъ въ Англіи на парфорсной охотѣ есть другое, болѣе рациональное средство, надъ которымъ призадумываться слѣдовало бы всякому кавалеристу. Средство это или, если хотите, причина—не что иное, какъ *тренингъ и настоящее рабочее тѣло*, которое не таетъ, какъ свѣчка, не только отъ какихъ-нибудь 10-ти верстъ, проходимыхъ шагомъ, но даже отъ вышеописанной усиленной работы. Невольно вспомнилось мнѣ, какъ часто я самъ на походѣ подтягивалъ подпруги и какъ я требовалъ, чтобы люди при каждомъ слѣзаніи осматривали и поправляли сѣдловку. Помню, какъ въ молодости мои эскадронные командиры учили меня, что кавалеристу необходимо слѣзать

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 4.

каждая 10 версть по крайней мѣрѣ и каждый разъ удостовѣряться, не ослабѣли-ли подпруги; и что почти всегда онѣ будутъ нуждаться въ поправкѣ. А тутъ пришлось видѣть и исполнять обратное, т. е. носиться съ 9-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, не слѣзая и убѣдиться, что это можно сдѣлать, не подтягивая подпругъ. Когда я рассказывалъ этотъ случай одному моему приятелю, мнѣ очень понравилось его сравненіе: «Одѣнь, сказалъ онъ, простую бабу въ корсетъ, затяни ее, какъ полагается— пусть она походить, поѣсть— у нее черезъ полчаса глаза на верхъ выльзутъ. А буде этого не случится и удастся вообще дотянуть корсетъ, она навѣрное сдастъ тѣло послѣ нѣкотораго времени, и корсетъ будетъ болтаться. А наши красавицы-барышни и дамы, имъ ничего. Весь день такъ проходитъ, всю ночь протанцуетъ, и поѣсть и верхомъ поѣдетъ и на конькахъ будетъ кататься и не сдастъ. Другая работа, другое тѣло, привычка, т. е. тотъ же тренингъ». Такъ и съ гунтеромъ. Тѣло его крѣпкое, плотное, мускулистое, размѣръ туловища доведенъ до извѣстнаго минимума объема, который поддерживается обильнымъ, интенсивнымъ, но не распучивающимъ живота кормомъ и усиленнымъ моціономъ. Набрать туловищу больше объема не позволяетъ работа, а уменьшеніе его во время спальной гонки возможно конечно; но это уменьшеніе будетъ весьма незначительнымъ. Объемъ туловища или «тѣло» заключены въ узкія рамки или границы, и колебанія въ этомъ отношеніи почти незамѣтны. Конечно, если бы гоняться за «разрядами по тѣламъ», то все это перемѣнилось бы весьма скоро. Осмотръ «по задамъ» мускулатуры даетъ, конечно, нѣкоторое понятіе о тѣлѣ, но всѣмъ извѣстно, что, напримѣръ, одинъ человекъ родится уже съ сильно развитою мускулатурою, и она какъ бы сама развивается больше, хотя бы онъ мало или вовсе не работалъ и не занимался гимнастикой. Другой, родившійся со слабыми мускулами, дѣлаетъ гимнастику, работаетъ физически, ѣсть много мяса и все-таки не будетъ въ состояніи соперничать съ первымъ. Точно также и лошадь. Сортъ, порода, сложение играютъ большую роль. Можно ли, слѣдовательно, по одному наружному осмотру дѣлать безошибочно строгіе отбѣнки о тѣлѣ? Конечно, при наличности извѣстнаго «талапта», если можно такъ выразиться, и большой опытности можно и въ этомъ дойти до извѣстнаго совершенства— проявить даже искусство. Хорошій мясникъ, напримѣръ, опредѣляетъ на глазъ прямо-таки вѣсъ мяса покупаемаго имъ живого быка, а мастеръ своего дѣла, если и

ошибается иногда, то развѣ на нѣсколько фунтовъ. У меня былъ въ эскадронѣ такой солдатъ (сынъ мясника), и онъ былъ неоцѣнимъ, когда на маневрахъ довольствіе мясомъ возлагалось на попеченіе эскадроновъ. Но покупаемый быкъ имѣетъ другое назначеніе, чѣмъ нашъ боевой четвероногій товарищъ. При опредѣленіи тѣла перваго не имѣется въ виду дѣлать заключенія о мускульной силѣ, развитіи легкихъ, сердца, о степени предшествующей осмотру работы. Этого опредѣлить даже съ приблизительною точностью никто не въ состояніи, а можно лишь удостовѣриться, что лошадь ѣла овесъ. Но опредѣлить, какая больше работала, и вообще дѣлать отгѣнки между ними почти-что невозможно, почему «дѣленіе на разряды» служить тормазомъ въ систематическомъ обученіи частей галопированію, являясь и причиною запала. Оно должно скоро отойти въ область преданій. Оно и теперь уже утратило свое прежнее значеніе, хотя не искоренено еще окончательно.

Но я увлекся разговоромъ о тѣлахъ и удалился отъ предмета. Послѣ первой, описанной выше охоты, на другой день было воскресеніе, въ которое англичане не охотятся. Мускулы мои, вытянувшіеся немного, могли отдохнуть. Въ понедѣльникъ была опять охота, но сборный пунктъ былъ намѣченъ не такъ далеко. Вообще вся охота вышла какъ-то менѣе утомительною, перерывовъ продолжительныхъ было больше, и кончилась она въ какихъ-нибудь 15-ти—20-ти верстахъ отъ дома. Мнѣ дали отличную небольшую лошадь, «австралійскаго пони», какъ говорили. Но англичанинъ называетъ всякаго коня, въ которомъ меньше 3¹/₂ вершковъ, «пони». Въ моемъ было добрыхъ 3 вершка. Конь этотъ ходилъ отлично, прыгалъ иначе, чѣмъ тотъ, на которомъ я ѣздилъ въ первый день, а именно, «позже, чѣмъ я ожидалъ», такъ что ощущеніе являлось такое, что онъ непременно задѣнетъ, или вѣрнѣе, ударить колѣнями объ заборъ. Во вторникъ охота была еще серьезнѣе, чѣмъ первая. Сѣли на коней уже въ 8 часовъ утра, такъ какъ сборный пунктъ былъ еще дальше. Окончили травлю поздно вечеромъ далеко, такъ что тѣ, усадьбы которыхъ очутились на этотъ разъ близко, предлагали переночевать у нихъ. Но мы предпочли вернуться домой тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день охоты не предполагалось и можно было отдохнуть, написать письма, а это предпочтительно сдѣлать дома или хотя тамъ, гдѣ расположенъ человѣкъ хотя на время. Добрались до дому только около 10-ти часовъ вечера, почти-что не отдыхая, и успѣвъ лишь подкрѣпить силы и дать по нѣсколько глотковъ воды лошадямъ.

Здѣсь я впервые видѣлъ, какъ лошадь пьетъ пиво. И въ этотъ день кони не показывали бѣльшей усталости, чѣмъ въ предшествующіе дни. Я отъѣздила этотъ день на нанятой лошади. Въ Англіи есть много заведеній, отдающихъ гунтеровъ въ наемъ. Этотъ обычай очень удобенъ, ибо освобождаетъ васъ отъ необходимости держать массу лошадей, предназначенныхъ для гостей. Если ихъ пріѣдетъ мало, кони эти будутъ бездѣйствовать, а наѣдетъ много публики, все равно лошадей не хватитъ. Имѣя же по близости знакомаго барышника или занимающагося отдачею лошадей въ наемъ,—протелефонировали съ вечера—и вы обезпечены лошадьми для вашихъ гостей. Такое взятіе коня на прокатъ стоитъ отъ 3-хъ—4-хъ гиней (1 гиней около 11 рублей). Это большая цѣна, но при такомъ наймѣ весь рискъ беретъ на себя владѣлецъ лошади. Скачи, прыгай, ломай себѣ и коню шею—не отвѣчаешь! Моя лошадь отходила прекрасно. Это была кобыла громаднаго роста, навѣрно больше 6 1/2 вершковъ. Алюры и поводъ очень хороши, темпераментъ какъ разъ въ пору, скорѣе горячій. Она, правда, была задомъ, когда къ этой части ея туловища кто-нибудь подтѣзжалъ вплотную. Для предупрежденія объ этомъ прочихъ ѣздоковъ, у нея по принятому на англійскихъ охотахъ правилу, былъ подвѣзанъ къ хвосту у верхняго его позвонка, гдѣ хвостъ соединяется съ крупомъ, красный шелковый, элегантнѣйшій бантикъ. Всѣ знаютъ этотъ обычай и никто уже къ задку вашей лошади не подтѣзжаетъ близко. Я видѣлъ 5—6 такихъ лошадей на охотѣ. Въ общемъ кобыла эта нисколько не была хуже тѣхъ, на которыхъ пришлось ѣздить раньше. Я бы никогда не предполагалъ, что наемная лошадь можетъ быть такъ хороша и даже чуть не купилъ ее. Ноги ея, какъ у многихъ лошадей въ Англіи и вообще за границей, на видъ слабыя, по нашимъ отсталымъ понятіямъ, но стоитъ только проѣхать на такомъ конѣ рысью по твердому мѣсту, сдѣлать галопъ по самой неровной мѣстности, прыгнуть нѣсколько препятствій, чтобы прямо восхищаться увѣренностью его движеній и сознаться, что и тутъ существуетъ у насъ въ кавалеріи недоразумѣніе насчетъ опредѣленія слабости ногъ. За границею говорятъ: разъ дыханіе у вашего коня развито, и онъ втянуть, слѣдовательно, въ работу, то онъ на галопѣ или на препятствіи надежнѣе, чѣмъ лошадь съ совершенно цѣльными ногами, но не втянутая въ работу. Кончилось на скаку дыханіе, ослабѣли легкія, ослабѣютъ тутъ же одновременно и ноги, хотя бы онѣ были самыя здоровыя.

Въ среду былъ отдыхъ, въ четвергъ была опять охота, въ пятницу отдыхали, въ субботу опять охотились.

Не могу не сказать еще нѣсколько словъ о той свободѣ и объ отсутствіи всякихъ стѣснительныхъ церемоній, которыя характеризуютъ англійскую парфорсную охоту. Никто васъ не спрашиваетъ, кто вы, откуда прибыли, никакихъ представленій и прочихъ формальностей нѣтъ. Конечно, завсегдатаи, такъ сказать, самые ярые охотники знакомы другъ съ другомъ. Собаки и весь штатъ доѣзжачихъ или принадлежатъ какому-нибудь обществу или одному изъ вельможъ, а то двумъ, тремъ вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ такихъ главныхъ хозяевъ охоты, есть еще подписавшіе извѣстную сумму по желанію. Это такъ сказать были бы члены или участники второго разряда, первые же, главные хозяева или дѣйствительные члены держатъ пикеровъ, т. е. доѣзжачихъ, лошадей подъ нихъ, содержатъ собакъ и распоряжаются. Кромѣ этихъ всѣхъ участниковъ, всякій можетъ слѣдовать верхомъ за охотниками. Никому изъ постороннихъ лицъ это не возбраняется. Скачи кто хочетъ! Лишь не дави собакъ и не мѣшай. Принято тоже не возбранять охоты на своей землѣ. Слово «потопка» почти что незнакомо; правда, что и топтать нечего. Но, тѣмъ не менѣе, когда вдругъ, какъ случается иногда, и было на моихъ глазахъ, вся охота попадаетъ въ середину деревни, на дворъ мызы, куда спряталась лисица, или проносится во всемъ составѣ черезъ часть провинціального города, куда хитрая лисица думала, что уже никакъ за нею не послѣдуютъ, то жители этихъ мѣстъ могли бы отнестись къ этой небезопасной для нихъ безцеремонности враждебно. Но этого никогда не бываетъ. Англичанинъ, даже и тотъ, который самъ никогда не скакалъ за собаками, слишкомъ любитъ и понимаетъ этотъ спортъ. Онъ ему въ душѣ сочувствуетъ и никогда не заявляетъ претензіи.

На этомъ покоичу описаніе парфорсной охоты, отсылая интересующихся этимъ спортомъ къ болѣе подробному изложенію сути его въ изданной мною брошюрѣ «Псовая охота».

Я такъ глубоко убѣжденъ въ пользѣ этого спорта для кавалериста, что, когда въ 1897 году дядя моей жены баронъ Е. Е. Врангель по случаю болѣзни своей предоставилъ въ полное мое распоряженіе свою стаю парфорсныхъ собакъ, съ просьбою отдать ее въ хорошія руки, такъ чтобы дѣло это не пропало, я не преминулъ преподнести ее нашему центральному кавалерійскому учрежденію «офицерской школѣ». Я былъ убѣжденъ, что стая будетъ тамъ

процвѣтать и составить отличную полевую школу для нашей молодежи, и не ошибся. Охота эта пріобрѣтаетъ все больше и больше популярности, а переносъ ея въ окрестности Вильны, гдѣ климатическія и почвенныя условія таковы, что нельзя было бы лучше выбрать, свидѣтельствуешь о заботливости объ этомъ спортѣ и о полномъ убѣжденіи въ его пригодности для кавалеріи.

Въ заключеніе хочу сказать еще слово о томъ, что всякому одаренному хоть каплей эстетическаго вкуса, не можетъ въ Лондонѣ не броситься сразу въ глаза, именно «красота тамошнихъ женщинъ». Если я говорю объ этомъ въ самомъ концѣ описанія Англии, то мною руководятъ слѣдующія соображенія: во-первыхъ, предметъ заслуживаетъ того, чтобы его оставить «къ десерту», во-вторыхъ, я боялся, что увлекусь этимъ рассказомъ; послѣ него не хватило бы терпѣнія, ни у меня на описаніе, ни у читателя на прочтеніе остального, которое показалось бы намъ обоимъ сухой матеріей. Да наконецъ, описаніе мое могло бы возбудить сомнѣніе въ серьезности и показалось бы рассказомъ увлекающагося фантазера. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что англичанки произвели на меня впечатлѣніе, которое не поддается описанію. Заявляю, что мнѣ не 25 и не 35 лѣтъ, да и въ эти годы я не слылъ человѣкомъ, увлекающимся всякою юбкою или ухаживателемъ перваго сорта. Но тогда я скорѣе, чѣмъ теперь, могъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что люблю заниматься этой отраслью кавалерійскаго образованія!

Мы на материкѣ Европы находимся въ сильномъ заблужденіи, думая, какъ это и со мною было, что англичанка у себя дома напоминаетъ хотя чѣмъ-нибудь того уroda, котораго нерѣдко видимъ путешествующимъ по Германіи, Швейцаріи и т. д. Конечно, рѣдкая изъ этихъ туристокъ одарена красотой: худая, неуклюжая, бѣлокурая или рыжая, плосконогая, «полнокопытная», въ очкахъ или пенснэ и т. д. Нѣтъ! такихъ типовъ или нѣтъ въ Лондонѣ, или они пропадаютъ въ массѣ населенія. Ихъ не замѣчаешь, любуясь десяткомъ тысячъ хорошенькихъ, изящныхъ, со вкусомъ одѣтыхъ дамъ, въ числѣ коихъ видишь массу истинныхъ красавицъ, при встрѣчѣ которыхъ невольно останавливаешься. Кто отправится въ Лондонъ, тотъ убѣдится въ справедливости моихъ словъ. Не могу же я въ самомъ дѣлѣ допустить возможности, чтобы всѣ отвратительные типы женщинъ вымерли къ началу 1900 года, а остались однѣ красавицы или, что, предчувствуя мое прибытіе и намѣреніе взяться за перо, «коварный Альбіонъ» позапиралъ

всѣхъ родовъ! Скорѣе можно допустить, что всѣ непривлекательные типы англичанокъ-туристокъ принадлежатъ къ тому нажившемуся низшему классу населенія, о которомъ я говорилъ уже раньше. Однимъ словомъ, на улицѣ, въ магазинахъ, въ экипажахъ, въ театрахъ и ресторанахъ вездѣ и всюду красивыя женщины. Онѣ не только хорошенькія, но стройны, эффектны, высокаго роста, отлично одѣты, причесаны, причемъ у нихъ чудные волосы. Типъ англійской женщины напоминаетъ испанскій или южно-итальянскій, но онъ безусловно красивѣе представительницъ этихъ двухъ націй. Въ англичанкѣ есть, на видъ по крайней мѣрѣ, какъ бы помѣсь лучшихъ кровей или женскихъ породъ, если можно такъ выразиться. Не сравню ее ни съ парижанкою, ни съ вѣнкою, ни съ полькой, которыя всѣ вѣдь славятся изящностью и элегантностью. А что за прелестная нога! и какъ онѣ обращаютъ вниманіе на свою обувь. Пресловутаго англійскаго плоскаго башмака съ низкимъ каблукомъ ни одна англичанка въ Лондонѣ не надѣнетъ. Его и не знаютъ виѣ лоунъ-тенниса или какихъ-нибудь утреннихъ пѣшихъ экскурсій по горамъ. Лондонская элегантная дама скорѣе босикомъ пойдетъ по улицѣ, чѣмъ въ Богъ вѣсть кѣмъ и почему названномъ «англійскомъ сапогѣ».

Большинство шатенки или брюнетки; глаза у всѣхъ чудные, большіе, выразительные—иная ими ловко стрѣляетъ. Англичанка кокетлива, да — она не можетъ не чувствовать, что она нравится; но кокетливость ея приличная, сдержанная, со вкусомъ, какъ все, что она дѣлаетъ или предпринимаетъ. Въ театрахъ не хватаетъ ни глазъ, ни времени, чтобы обзрѣть всѣхъ и каждую; театръ представляетъ изъ себя настоящую бальную залу. Въ ресторанахъ вы испытываете то же самое чувство. Онѣ всѣ такъ элегантны, такъ изящны до малѣйшихъ деталей включительно, такъ величественно держатъ себя, точно всѣ принцессы. Дама полусвѣта, и та отличается хорошими манерами. Свѣвъ по сосѣдству съ ней, надо обладать опытнымъ глазомъ, чтобы опредѣлить, кто она такая — и то не такъ скоро опредѣлите это. Долго будете смотрѣть, находясь въ недоумѣніи, пока, наконецъ, какой-нибудь жестъ, какое-нибудь слово или манера обращенія къ лакею не возбудитъ въ васъ сомнѣнія.

Боюсь, однако, что описаніе пребыванія моего въ Англии и вынесенныхъ оттуда впечатлѣній вышло слишкомъ подробнымъ. Но, какъ сказано мною въ самомъ началѣ, я полагалъ, что, такъ какъ страна эта мало или, по крайней мѣрѣ, меньше другихъ по-

сѣщается и русскими, и другими путешественниками, а имѣть массу характерныхъ особенностей и представляетъ теперь по случаю Трансваальской войны особый интересъ, то можно отвести больше мѣста воспоминаніямъ объ этой странѣ.

Изъ Лондона выѣхали мы, направляясь на Парижъ, въ 10 часовъ утра. Въ Дувръ прибыли около 11^{1/2}. Поѣздъ доходитъ по мосту, входящему почти на 1^{1/2} версты прямо въ море. Въ концѣ этого моста устроена пристань. Тамъ пароходъ готовъ къ отплытію. Вамъ пройти надо не больше 20-ти шаговъ, чтобы добраться до него. Черезъ какихъ-нибудь 10 минутъ, вы уже плывете къ французскому берегу. Въ хорошую погоду черезъ 1^{1/4} часа вы высаживаетесь въ Кале, причаливая тутъ же у самага вокзала, гдѣ курьерскій поѣздъ ожидаетъ уже васъ. На таможенныя формальности дано 10 — 15 минутъ. Въ этомъ отношеніи гораздо меньше хлопотъ и на французской и на англійской таможняхъ, да и при переѣздѣ какой угодно границы, чѣмъ у насъ. Итакъ, вы мчитесь съ небывалой скоростью, вагонъ прямо-таки качаетъ. До Парижа одна лишь остановка въ Амьенѣ 5 минутъ. Къ вечеру вы уже въ столицѣ Франціи; вы успѣваете пообѣдать и въ тотъ же день еще можете поспѣть въ театръ или въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, какъ мнѣ это и удалось.

Ф р а н ц і я .

Въ Парижъ я попалъ совершенно случайно въ день середины поста (*jour de la mi-carême*). Я и забылъ, что этотъ день во Франціи празднуется особенно, т. е., что на 24 часа возстанавливается карнаваль. Веселятся, шумятъ, наряжаются въ маски и костюмы и обсыпаютъ всѣхъ, такъ-называемыми, «конфетти», т. е. мелко нарѣзанными цвѣтными бумажками. Бумажки эти покрываютъ улицы на ¹/₂-аршина высоты. Движеніе экипажей къ вечеру совершенно прекращается — на улицахъ, особенно на главныхъ, неисчислимая толпа.

Во всемъ Парижѣ замѣтна кипучая дѣятельность — выставка открывается на дняхъ; дѣлаются послѣднія приготовленія. Не узнаю Парижа, да и не люблю такихъ торжественныхъ моментовъ, ибо они мѣняютъ обычную фізіономію города, мѣшая изучать его характеръ. О выставкѣ говорить не буду. Многіе видѣли ее, да и массу писалось о ней. Не буду описывать и достопримѣчательностей города, ибо подробный осмотръ ихъ не составлялъ цѣли

моего путешествія. Буду просто дѣлиться съ читателемъ моими наблюденіями и впечатлѣніями, какъ выше.

Начну на этотъ разъ съ ресторановъ. Французъ любить и умѣетъ поѣсть. Но этого мало. Всякій поваръ — это артистъ, художникъ своего рода. И онъ, и прислуживающій вамъ половой, такъ называемый «garçon», смотрятъ на кругъ своихъ обязанностей, какъ на искусство. Такой прислуживающій предлагаетъ вамъ то или другое блюдо, дѣлаетъ самъ меню, «прописываетъ», если можно употребить это выраженіе, такое, а потомъ другое вино и... ну и, если вы, обрадовавшись его усердію, освобождающему васъ отъ всякихъ хлопотъ, дадите ему волю, то онъ, конечно, вгонитъ счетъ на двѣ или три персоны въ 150 — 200 франковъ и даже больше. Совершенно другое дѣло, если вы сами заказываете, и онъ вамъ только помогаетъ. Въ общемъ однако и парижскій ресторанъ и этотъ «гарсонъ» симпатичны: знаютъ и дѣлаютъ свое дѣло, проявляя искусство, а это пріятно видѣть при исполненіи всякаго рода службы или занятія.

А театры? что за прелесть! какъ эти актеры и актрисы играютъ! Видѣлъ знаменитую пьесу «L'aiglon» (Орленокъ), которую написалъ недавно Ростанъ. Она производитъ фуроръ. Сара Бернаръ и игравшій нѣкогда въ Петербургѣ во французскомъ театрѣ Гитри превзошли себя въ этой пьесѣ. Драму эту играютъ ежедневно. Недавно давали ее четырехсотый разъ. Успѣхъ пьесы повліялъ на усиленіе въ послѣднее время во Франціи бонапартизма. Правда, что она обставлена такъ, какъ можетъ это сдѣлать одинъ лишь умъ и геній француза. Всѣ декорации и принадлежности къ нимъ, это точная копія Шенбруновскихъ оригиналовъ; ален парка, памятники, комнаты, мебель, картины воспроизведены съ точностью. Ростанъ, Сара, всѣ главные актеры и масса помощниковъ по устройству сцены просидѣли два мѣсяца въ Шенбрунѣ подъ Вѣной, гдѣ содержался на половину въ плѣну сынъ Наполеона. Тамъ они на мѣстѣ изучали передъ постановкою пьесы всѣ подробности, снимая копіи и т. д. Видѣлъ и извѣстнаго всему міру Коклена въ драмѣ «Жанъ-Баръ», которая тоже написана съ цѣлью разжечь патриотизмъ французовъ, любовь ихъ къ народнымъ военнымъ героямъ и побѣдителямъ на полѣ брани. Въ двухъ другихъ театрахъ любовался прелестными актрисами Режанъ и Гранье и ихъ мастерскою игрою. Въ особенности Режанъ въ драмѣ «Красная мантія» (Robe rouge) играетъ великолепно. Слушая эту пьесу, мнѣ пришла мысль сравнить ее съ

«Воскресеньемъ» гр. Толстого. Въ «Воскресеньи» завязкою дѣла является судебная ошибка; здѣсь же не ошибка, а карьеризмъ и корыстолюбіе одного изъ членовъ судебного вѣдомства вызываютъ всю ужасную драму. Макиавелевскіе приемы судебного слѣдователя, примѣняемые имъ для того, чтобы создать виновнаго и этимъ получить повышение, потрясаютъ публику, служа вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что и въ странѣ, основы которой равенство, братство, свобода, возможны страшныя злоупотребленія, даже въ судебномъ вѣдомствѣ.

Сами театры далеко не всѣ элегантны и богато отдѣланы. Не всѣ даже опрятны и просторны. Въ антрактахъ мужчины надѣваютъ шляпы на головы и остаются такъ до начала слѣдующаго дѣйствія. Газетчики разносятъ журналы, причѣмъ кричатъ неистово; тутъ же другіе разносчики предлагаютъ вамъ конфекты, фрукты, напитки. Отъ этого происходитъ шумъ — нѣтъ той торжественно-балльной обстановки, что въ Англіи. Только, когда занавѣсъ подымается, все притихаетъ и мужчины, снявъ шляпы, садятся.

Съ особеннымъ вниманіемъ я по цѣлымъ днямъ слѣдилъ за кипучею дѣятельностью, проявляемой въ двухъ магазинахъ-великанахъ «Бонъ-Марше» и «Лувръ». Одинъ изъ нихъ, не помню уже который, послужилъ знаменитому писателю Зола темою для извѣстнаго романа «Au bonheur des dames» (Дамское счастье). Съ тѣхъ поръ какъ отпечатано было первое изданіе этой книги, которая выдержала нѣсколько сотенъ изданій, прошло много лѣтъ. Магазины эти расширили свои дѣйствія, вводя массу новаго, интереснаго, о чемъ въ то время и Зола не мечталъ. Для общей характеристики этихъ заведеній, достаточно будетъ упомянуть, что больше 200 собственныхъ экипажей и навѣрное около 1,000 занятыхъ извозчиковъ стоятъ у многочисленныхъ подѣздовъ такого магазина, ожидая своихъ господъ, дѣлающихъ покупки въ такомъ, наполненномъ всякаго рода товарами или издѣліями, лабиринтѣ залъ и построекъ. Число «пѣвшихъ покупателей» значительно больше, ибо такого рода магазинъ предназначается главнымъ образомъ для привлеченія болѣе экономныхъ и ищущихъ дешевизны покупателей. Лувръ содержитъ цѣлую армію приказчиковъ, приказчицъ, конторщиковъ, разнаго рода прислуги, рабочихъ и своей «тайной полиціи». Больше 300 элегантныхъ фургоновъ, съ прислугою въ красивой ливреѣ, запряженныхъ великолѣпными кровными лошадьми въ изящной сбруѣ или двигаемыхъ бензиномъ, электричествомъ, какъ

автомобили, развозятъ по всему городу покупки; а разрисованные и расписанные фургоны служатъ одновременно рекламою. Въ самомъ многоэтажномъ зданіи устроены четыре подъемныя машины (лифты или асансеры) для покупателей и столько же для спуска отправляемыхъ покупокъ и подъема получаемого товара. Есть, кромѣ того, двѣ косыя подъемныя платформы, гдѣ вы стоите, какъ на лѣстницѣ или вѣрнѣе на косою плоскости, которая, однако, почти-что незамѣтно двигается вмѣстѣ съ вами слегка кверху, вкось, такъ сказать. Кто былъ на выставкѣ, тотъ имѣлъ случай познакомиться съ этимъ усовершенствованнымъ способомъ подъема. Имѣется и даровая читальня, съ нѣсколькими сотнями газетъ и журналовъ, и комната громадныхъ размѣровъ съ письменными принадлежностями на 50 — 60 человекъ. Грамофоны и кинематографы развеселяютъ публику въ другомъ опять помѣщеніи, а одна изъ главныхъ приманокъ — это даровой буфетъ. Что касается товара или издѣлій, то нѣтъ той вещи, которой вы бы тамъ не могли получить, начиная съ сапога, бѣлья, платья въ готовомъ видѣ или по мѣркѣ и кончая всѣми офицерскими вещами, ливреями, полнымъ облаченіемъ духовныхъ лицъ, часами, музыкальными инструментами всякаго рода, сѣдельными работами и т. д. Все, рѣшительно все! Если бы вы того, чего ищете, дѣйствительно не нашли, то вамъ предложить подождать немного, сдѣлаютъ, достанутъ, купятъ на сторонѣ, раздобудутъ или выдумаютъ, и черезъ часъ, много два, вы будете удовлетворены. Это у нихъ принципъ, правило (*point d'honneur*). Отказа нѣтъ!

Никакой входной платы конечно не существуетъ. Никто васъ не спрашиваетъ и не опрашиваетъ, желаете ли что-нибудь купить или просто погулять, прочесть газету, написать письмо, простоять у буфета, проѣхаться на вышеупомянутой платформѣ. Тамъ происходятъ дѣловыя, да и другія свиданія. Никто не ставитъ вамъ въ обязанность совершеніе покупки. А ужъ коли желаете пріобрѣсти что-нибудь, то будете удивлены дешевизною: половина или треть того, что заплатили бы въ любомъ обыкновенномъ частномъ магазинѣ.

Какъ же все это возможно, спросить вѣроятно читатель?

Зола въ своемъ романѣ разъяснилъ уже отчасти этотъ вопросъ. Для тѣхъ, которые эту книгу не читали или забыли, постараюсь повторить вкратцѣ это разъясненіе.

Причинъ, объясняющихъ, при такой дешевизнѣ, выручку тѣмъ не менѣе громадныхъ барышей, масса. Не могу здѣсь писать трак-

тать о промышленности. Не послѣдняя причина—это геній, трудолюбіе и комерческія способности француза — примѣненіе къ обстановкѣ, однимъ словомъ «тактика». Главное ариметическое рѣшеніе задачи, которое постараюсь изложить на примѣрѣ, такое:

Мы съ вами, многоуважаемый читатель, открываемъ лавку и кладемъ въ нее вдвоемъ 10,000 (по 5,000 каждый). Устройство лавки обошлось намъ, положимъ, 2,000 р. На остальные 8,000 р. мы выписали товаръ съ обязательствомъ уплатить за него черезъ 6—8 мѣсяцевъ, какъ принято въ торговомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, хотя часть товара (та именно часть, которая расходуется быстро) будетъ уплачиваема нами уже послѣ продажи ея, вырученными за нее деньгами, и мы выписываемъ новыя партіи разнообразныхъ издѣлій, опять же съ 8-ми-мѣсячнымъ кредитомъ. Выписанные запасы разошлись цѣликомъ первоначально, скажемъ, даже только въ теченіе двухъ лѣтъ, давъ за это время 30% чистаго барыша. Тутъ ничего невѣроятнаго нѣтъ. Купцы выручаютъ нерѣдко втрое, вчетверо больше, чѣмъ 15% въ годъ. Но мы съ вами не желаемъ обратить всѣ вырученные 30% барыша въ нашу пользу, а пускаемся на хитрость. Мы довольствуемся 10%, жертвуя остальные 20% на усовершенствованіе магазина, на удобства для публики и даже на удешевленіе наиболѣе нужнаго, любимаго, моднаго, вообще расходящагося быстро товара. Публика стала приливать, другія лавки уже не могутъ съ нами конкурировать — смотришь, всѣ издѣлія разошлись у насъ не въ два года, а меньше, чѣмъ въ годъ, давъ опять-таки тѣ же 30% чистаго дохода. Изъ этой прибыли жертвуемъ снова на тѣ же цѣли, давшія такой хорошій результатъ, 20%, т. е. $\frac{2}{3}$ дохода.оборотъ послѣ этого совершается въ полгода или даже въ 3—4 мѣсяца, давъ въ такое непродолжительное время тѣ же 30%, т. е. будетъ давать эти 30% 3—4 раза въ годъ. Значитъ, по настоящему, мы получаемъ уже 100—120% на затраченный первоначально капиталъ. Теперь, закупаая товаръ, намъ и платить ничего не приходится, ибо онъ расходуется гораздо скорѣе, чѣмъ настаетъ срокъ уплаты за него. Приходится отчислять небольшой процентъ потери (вѣрнѣе потери барыша) на долго нерасходящіяся издѣлія. Ихъ спускаютъ въ провинцію и стараются вообще выписывать лишь то, что расходуется быстро. Остается, значитъ, только почти-что одно записываніе громадныхъ барышей на приходъ! Ихъ снова употребляютъ на удешевленіе продаваемыхъ вещей, на удобства для публики, буфеты, фургоны и разнаго рода

рекламы. Все это способствовало тому, что уже через два мѣсяца магазинъ сталъ бы пустымъ, если бы не постоянная выписка свѣжихъ товаровъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, уже шесть разъ въ годъ приходится записывать 30% на приходъ. Нѣмецъ, англичанинъ, русскій удовлетворились бы этимъ вѣроятно. Французъ сталъ углубляться все больше и больше въ это дѣло. Онъ завелъ танъемы, т. е. процентъ, выдаваемый каждому приказчику, соответствующій количеству проданнаго имъ товара. Такимъ образомъ послѣдній дѣлается прямымъ участникомъ въ прибыли, что служить поощреніемъ. Затѣмъ, желая удешевить продаваемые предметы, привлечь еще больше публики и убить окончательно конкуренцію мелкихъ торговцевъ, онъ пошелъ еще дальше: все сталъ вдругъ шить не въ Парижѣ, а въ глубокой провинціи, гдѣ ручной трудъ наполовину дешевле. Съ разными фабрикантами въ провинціи совершаются постоянно новые договоры; и они, получая свой барышъ или доходъ не одинъ или два раза въ годъ, а 6—7 разъ или больше, увеличиваютъ свои заводы и дѣлаютъ магазину половинныя цѣны и всевозможныя уступки, отчего оборотъ капитала въ товарѣ и выручаемая прибыль дѣлаются до десяти разъ въ годъ.

• Такъ продолжается дѣло. Гибкій умъ француза придумалъ и различнаго рода рекламы и приманки для публики: буфетъ, читальню и т. д. Будутъ современемъ вѣроятно: даровая парикмахерская, ванна, медицинская помощь; и концерты и театральныя представленія. Чего не выдумаетъ изобрѣтательный французъ? Масса силы, энергіи, жизненности въ этой націи. Дайте ей только человѣка, какимъ былъ Наполеонъ, и она могла бы снова повернуть кверху ногами весь міръ! Но въ этомъ торговомъ предпріятіи не одна сила и энергія сдѣлали дѣло. Одною изъ главныхъ причинъ такого громаднаго успѣха этихъ магазиновъ надо считать и любезность, съ которою тамъ встрѣчаютъ покупателя и ухаживаютъ за нимъ. Пускай бы комерсанты всего міра поучились у французовъ. Пятьдесятъ палто и столько же пиджаковъ можете «перепримѣрить», перерыть весь магазинъ и ничего не купить. Вы не замѣтите ни одной морщинки на лбу продавцевъ. Или же, вы купили, а потомъ, хотя бы черезъ 3—4 дня раздумали и отправили имъ вещь обратно—вамъ моментально возвращаютъ деньги съ тою же милою улыбкою. Если бы вы вздумали извиниться, то они обидѣлись бы, утверждая, что это ихъ вина, что не «потрафили» и т. д. А попробуйте у насъ, да не только у насъ, а въ любой странѣ попросить деньги обратно! Еще одна симпатичная

тать о промышленности. Не послѣдняя причина—это геній, трудолюбіе и комерческія способности француза — примѣненіе къ обстановкѣ, однимъ словомъ «тактика». Главное ариметическое рѣшеніе задачи, которое постараюсь изложить на примѣрѣ, такое:

Мы съ вами, многоуважаемый читатель, открываемъ лавку и кладемъ въ нее вдвоемъ 10,000 (по 5,000 каждый). Устройство лавки обошлось намъ, положимъ, 2,000 р. На остальные 8,000 р. мы выписали товаръ съ обязательствомъ уплатить за него черезъ 6—8 мѣсяцевъ, какъ принято въ торговомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, хотя часть товара (та именно часть, которая расходуется быстро) будетъ уплачиваема нами уже послѣ продажи ея, вырученными за нее деньгами, и мы выписываемъ новыя партіи разнообразныхъ издѣлій, опять же съ 8-ми-мѣсячнымъ кредитомъ. Выписанные запасы разошлись цѣликомъ первоначально, скажемъ, даже только въ теченіе двухъ лѣтъ, давъ за это время 30% чистаго барыша. Тутъ ничего невѣроятнаго нѣтъ. Купцы выручаютъ нерѣдко втрое, вчетверо больше, чѣмъ 15% въ годъ. Но мы съ вами не желаемъ обратить всѣ вырученные 30% барыша въ нашу пользу, а пускаемся на хитрость. Мы довольствуемся 10%, жертвуя остальные 20% на усовершенствованіе магазина, на удобства для публики и даже на удешевленіе наиболѣе нужнаго, любимаго, моднаго, вообще расходящагося быстро товара. Публика стала приливать, другія лавки уже не могутъ съ нами конкурировать — смотришь, всѣ издѣлія разошлись у насъ не въ два года, а меньше, чѣмъ въ годъ, давъ опять-таки тѣ же 30% чистаго дохода. Изъ этой прибыли жертвуемъ снова на тѣ же цѣли, давшія такой хорошей результатъ, 20%, т. е. $\frac{2}{3}$ дохода. Оборотъ послѣ этого совершается въ полгода или даже въ 3—4 мѣсяца, давъ въ такое непродолжительное время тѣ же 30%, т. е. будетъ давать эти 30% 3—4 раза въ годъ. Значить, по настоящему, мы получаемъ уже 100—120% на затраченный первоначально капиталъ. Теперь, закупаая товаръ, намъ и платить ничего не приходится, ибо онъ расходуется гораздо скорѣе, чѣмъ настааетъ срокъ уплаты за него. Приходится отчислять небольшой процентъ потери (вѣрнѣе потери барыша) на долго нерасходящіяся издѣлія. Ихъ спускаютъ въ провинцію и стараются вообще выписывать лишь то, что расходуется быстро. Остается, значить, только почти-что одно записываніе громадныхъ барышей на приход! Ихъ снова употребляютъ на удешевленіе продаваемыхъ вещей, на удобства для публики, буфеты, фургоны и разнаго рода

рекламы. Все это способствовало тому, что уже черезъ два мѣсяца магазинъ сталъ бы пустымъ, если бы не постоянная выписка свѣжихъ товаровъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, уже шесть разъ въ годъ приходится записывать 30% на приходъ. Нѣмецъ, англичанинъ, русскій удовлетворились бы этимъ вѣроятно. Французъ сталъ углубляться все больше и больше въ это дѣло. Онъ завелъ тантьемы, т. е. процентъ, выдаваемый каждому приказчику, соответствующій количеству проданнаго имъ товара. Такимъ образомъ послѣдній дѣлается прямымъ участникомъ въ прибыли, что служитъ поощреніемъ. Затѣмъ, желая удешевить продаваемые предметы, привлечь еще больше публики и убить окончательно конкуренцію мелкихъ торговцевъ, онъ пошелъ еще дальше: все сталъ вдругъ шить не въ Парижѣ, а въ глубокой провинціи, гдѣ ручной трудъ наполовину дешевле. Съ разными фабрикантами въ провинціи совершаются постоянно новые договоры; и они, получая свой барышъ или доходъ не одинъ или два раза въ годъ, а 6—7 разъ или больше, увеличиваютъ свои заводы и дѣлаютъ магазину половинныя цѣны и всевозможныя уступки, отчего оборотъ капитала въ товаръ и выручаемая прибыль дѣлаются до десяти разъ въ годъ.

• Такъ продолжается дѣло. Гибкій умъ француза придумалъ и различнаго рода рекламы и приманки для публики: буфетъ, читальню и т. д. Будутъ современемъ вѣроятно: даровая парикмахерская, ванна, медицинская помощь; и концерты и театральныя представленія. Чего не выдумаетъ изобрѣтательный французъ? Масса силы, энергіи, жизненности въ этой націи. Дайте ей только человѣка, какимъ былъ Наполеонъ, и она могла бы снова повернуть кверху ногами весь міръ! Но въ этомъ торговомъ предпріятіи не одна сила и энергія сдѣлали дѣло. Одною изъ главныхъ причинъ такого громаднаго успѣха этихъ магазиновъ надо считать и любезность, съ которою тамъ встрѣчаютъ покупателя и ухаживаютъ за нимъ. Пускай бы комерсанты всего міра поучились у французовъ. Пятьдесятъ палто и столько же пиджаковъ можете «перепримѣрить», перерыть весь магазинъ и ничего не купить. Вы не замѣтите ни одной морщинки на лбу продавцевъ. Или же, вы купили, а потомъ, хотя бы черезъ 3—4 дня раздумали и отправили имъ вещь обратно—вамъ моментально возвращаютъ деньги съ тою же милою улыбкою. Если бы вы вздумали извиниться, то они обидѣлись бы, утверждая, что это ихъ вина, что не «потрафили» и т. д. А попробуйте у насъ, да не только у насъ, а въ любой странѣ попросить деньги обратно! Еще одна симпатичная

черта. Вы купили, допустимъ, вещь на двугривенный—черезъ часть или самое большее черезъ два, вамъ ее доставятъ на квартиру, расположенную хотя бы на противоположномъ концѣ громаднаго города.

Начатое когда-то дѣло подвигается такимъ образомъ впередъ все больше и больше. Товаръ расходуется иногда въ 2—3 недѣли. А съ появленіемъ внезапной зимы теплое платье точно также, какъ при внезапной ранней веснѣ легкія матеріи, лѣтнія дамскія шляпы и т. д. расходятся въ количествѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ въ 2—3 дня, даже въ теченіе одного дня, давая уже, значитъ, не десять разъ въ годъ, а по меньшей мѣрѣ 30—40 разъ тотъ же тридцатипроцентный барышъ. Заказы фабрикамъ и работникамъ дѣлаются тогда посредствомъ телеграфа, а доставка товара въ Парижъ совершается курьерскими поѣздами.

Итакъ, не будетъ преувеличеніемъ, если чистый доходъ исчислить въ 500—1,000 рублей или франковъ на каждую затраченную первоначально сотню этой монеты. Надо принять во вниманіе, что при основаніи магазина вложено не 10,000, какъ въ моемъ примѣрѣ, а вѣроятно нѣсколько миліоновъ. Однимъ словомъ, оди́нъ изъ этихъ двухъ магазиновъ, не помню уже который изъ нихъ, даетъ около 50.000,000 чистаго годового дохода.

Заведеніе такого рода кормитъ цѣлую армію работающих въ немъ или для него людей. Конечно, есть и сотни тысячъ пострадавшихъ весьма сильно отъ этой централизаціи промышленной и торговой дѣятельности, если можно такъ выразиться. Во-первыхъ, множество малыхъ магазиновъ, лавокъ и мастерскихъ перестало существовать, а владѣльцы ихъ обратились въ простыхъ рабочихъ, а то и прямо въ нищихъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ велась настоящая борьба магазиновъ-великановъ съ этими мелкими торговцами, знавшими свое дѣло, проявлявшими извѣстнаго рода искусство, энергію. Они боролись, сколько могли, какъ буры съ англичанами, и погибли. Ворочавшему миліонами магазину-великану ничего не значило понизить цѣну какого-нибудь предмета на 10 или 20 копѣекъ. Малый комерсантъ слѣдовалъ его примѣру. На слѣдующій день первый понижалъ опять стоимость такой-то модной матеріи—мелкій торговецъ объявлялъ вслѣдъ за тѣмъ ту же цѣну. Великанъ сбавлялъ ее еще больше, теряя въ сущности гроши и то лишь временно; мелкій же торговецъ отнималъ этимъ пищу у многочисленной семьи и, въ концѣ концовъ, ликвидировалъ свои дѣла. На эти магазины жалуются всѣ мастеровые въ

Парижѣ. Все продаваемое тамъ изготовляется ради экономіи въ провинціи и даже прямо въ деревняхъ. Ловкіе агенты, заботясь постоянно объ удешевленіи издѣлій, удаляются все больше и больше въ глубь страны, отрывая тамъ рабочія руки отъ земледѣлія. Молодая парижанка безъ средствъ и образованія, обладая присущимъ почти-что всякой француженкѣ вкусомъ, талантомъ и вообще способностью къ работѣ иголкою, могла прежде легко прокормить себя, родителей, семью. Нынѣ нѣтъ спроса на ея трудъ, ибо деревня работаетъ во много разъ дешевле. Ей, слѣдовательно, остается поступить приказчицей; но такихъ мѣстъ въ нѣсколько тысячъ разъ меньше, чѣмъ кандидатокъ. Этимъ дѣвушкамъ приходится голодать или наниматься на грубую, тяжелую работу, которая имъ не подъ силу и погибать. А та, которая при этомъ маломальски хорошенькая, граціозная, стройная? Сколько для нея разныхъ соблазновъ, чтобы пойти по другой дорогѣ? Многіе моралисты ставятъ магазинамъ-великанамъ эту централизацію торговли и труда въ вину, утверждая, что они причина упадка нравственности въ столицѣ Франціи.

Движеніе въ Парижѣ громадное: экипажи, извозчики, омнибусы, велосипеды, а главное, шипящіе и пугающіе лошадей автомобили. Въ Лондонѣ ихъ относительно мало, они какъ-то незамѣтны на улицахъ. Здѣсь же видно, что они современемъ вытѣснятъ окончательно благородное животное, называемое «конемъ», отчего я и питаю сильную ненависть къ этимъ адскимъ машинамъ, обозначающимъ, можетъ быть, сильный прогрессъ и служащимъ предвѣстниками новой эры. Лошади въ самомъ Парижѣ стали хуже, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ. Въ особенности это можно сказать о першеронахъ, возящихъ городскіе омнибусы. Въ то время, это были красивыя, напоминающія араба, правильно сложенные лошади большого роста, сильныя на тягу, но обладающія большой скоростью и высокимъ ходомъ, которыми всякій восхищался. Нынѣ, онѣ измельчали, потерявъ и красоту. Прежде, пара возила съ легкостью тяжелую общественную карету. Нынѣ, несмотря на то, что эти повозки получили облегченный типъ, и что мостовыя улучшились, въ нихъ впрягаютъ тройку, да и той не легко приходится. Жаль этихъ чудныхъ, вырождающихся, какъ видно, французскихъ першероновъ. Не пройдетъ много времени, и конь исчезнетъ совершенно въ большихъ европейскихъ центрахъ, а Парижъ, вѣроятно, подастъ въ этомъ отношеніи примѣръ. Уже и теперь нѣтъ той массы элегантныхъ выѣздовъ, которые водились во времена второй

имперіи и еще десятокъ лѣтъ послѣ ея паденія. Нынѣ, если увидите хорошій, изящный, бросающійся въ глаза выѣздъ, то онъ по всей вѣроятности принадлежитъ какому-нибудь богатому американцу, еврею, а чаще всего дамѣ полусвѣта.

У французовъ страсть къ орденамъ. Есть у нихъ много кавалеровъ знака почетнаго легіона, единственнаго во Франціи ордена, жалуемаго какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ лицамъ. Всѣ кавалеры носятъ всегда бантикъ въ петлицѣ, даже на пальто, дабы всякій узнавалъ издали принадлежность человѣка къ этому ордену. Это старая привычка, традиція, унаслѣдованная отъ того времени, въ которомъ этотъ орденъ жаловался дѣйствительно рѣдко и за выдающіяся заслуги на полѣ брани или знаменитымъ людямъ, отличившимся на другомъ поприщѣ. Нынѣ стали его давать часто; даже различные комерсанты, не исключая дамскихъ портныхъ, удостоиваются этого знака отличія. У кого этого ордена нѣтъ, тотъ старается получить какой-нибудь иностранный орденъ, хотя бы отъ одного изъ самыхъ мелкихъ княжествъ или внѣ европейскихъ владѣній, имѣющихъ въ Парижѣ своихъ представителей или консуловъ. Это не представляетъ большихъ затрудненій. Итакъ, вездѣ во всемъ Парижѣ вы видите почти что однихъ кавалеровъ. Не имѣть ленточки, бантика или такъ называемой пуговицы означаетъ, что вы изъ себя рѣшительно ничего не представляете и никогда не представляли. И въ Германіи носятъ ленточку, но не такъ много; и надѣвается она лишь на фракъ или сюртукъ. Англичанинъ носить ордена лишь при мундирѣ. Во Франціи же это страсть, мода; и, по всей вѣроятности, много украшенныхъ такими бантиками не имѣетъ на ношеніе ихъ права. Странная черта характера у такого способнаго, серьезнаго, трудолюбиваго человѣка, какъ французъ, отличавшагося всегда, какъ двигатель прогреса и цивилизаціи.

Что касается войскъ, то мнѣ пришлось ближе познакомиться съ тремя кавалерійскими полками, а именно, съ квартирующимъ въ самомъ Парижѣ 2мъ Кирасирскимъ полкомъ. Тамъ я бывалъ часто и видѣлъ всю утреннюю весеннюю домашнюю работу, а также нѣсколько упражненій смѣнъ на военномъ полѣ. Пришлось быть и въ 7 Драгунскомъ полку, стоянка котораго въ Фонтенебло, и въ 28 Драгунскомъ, расположенномъ подъ Парижемъ въ лѣскѣ Венсенъ. Кромѣ того, я былъ въ Сомюрской кавалерійской школѣ.

Офицеры всѣхъ упомянутыхъ частей, да вообще офицеры фран-

цузской арміи производятъ впечатлѣніе хорошо воспитанныхъ, милыхъ, симпатичныхъ людей, знающихъ и любящихъ военное дѣло. Они жаждутъ случая показать всю симпатію, которую они питаютъ къ Россіи и къ русскому офицеру, являющемуся ея представителемъ. При появленіи моемъ шампанское лилось рѣкою, провозглашался тостъ за нашего Августѣйшаго Государя Императора, отправлялась телеграмма въ полкъ; все, что могло интересоваться меня, показывалось и т. д.

Въ кавалерійскихъ офицерахъ много «барства», а любовь къ скачкамъ, конной охотѣ и вообще къ спорту сильно развита. Все утро, если они не заняты службою, посвящено ѣздѣ своихъ лошадей, гонкѣ ихъ на кордѣ, прогонкѣ черезъ всевозможнаго рода препятствія, которыхъ на полковомъ дворѣ изобиліе—однимъ словомъ, работа кипитъ. Масса офицеровъ участвуетъ въ скачкахъ съ препятствіями, которыхъ очень много во Франціи. На специальномъ стипльчезномъ кругу въ Отейлѣ устраиваются состязанія круглый годъ, не исключая зимы. Кромѣ того, много офицеровъ ѣздитъ на «sours hippiques», которыхъ бываетъ весьма большое число. Утромъ вы видите массу офицеровъ на конѣ. Они катаются по паркамъ и верховымъ аллеямъ, которыя устроены на главныхъ улицахъ Парижа. Не отъѣздить лично своего коня во Фринціи считается чѣмъ-то невозможнымъ. Такъ смотрятъ на дѣло не въ одной кавалеріи, а въ артилеріи, въ генеральномъ штабѣ, и въ пѣхотѣ. Всякій военный, коему на службѣ полагается быть верхомъ, считаетъ своимъ служебнымъ долгомъ ѣздить ежедневно круглый годъ на своемъ конѣ. Такъ смотритъ на это дѣло и начальство его; а тотъ, который не поддается этому обычаю, атестуется плохо; слова: «старость, дряхлость, недостаточная свѣжесть или бодрость» появляются въ соответственной графѣ атестаціоннаго списка. Оттого они и ѣздятъ такъ много и сохраняютъ до преклонныхъ лѣтъ удивительныя бодрость и свѣжесть. Случая, чтобы кто-нибудь не сядилъ верхомъ отъ окончанія одного лагеря до начала слѣдующаго, не можетъ быть, и офицерская смѣнная ѣзда становится лишней. Правда, что вездѣ за границу стараются дѣлать офицерамъ всевозможныя облегченія, служащія поощреніемъ къ ѣздѣ. Парки, даже улицы окраинъ всѣхъ городовъ снабжены отлично содержанными, всаживаемыми верховыми дорожками. Офицерамъ дозволено ѣздить безъ оружія, дабы дать имъ возможность поработать внѣ плаца и манежа молодого коня или какую-нибудь скаковую лошадь, которую они собираются обратить постепенно

въ строевую. У насъ потребуютъ, чтобы вы надѣли непременно шашку, саблю или палашь, при одной мысли о чемъ вы «махнете совѣмъ на дѣло рукою». Не такъ давно еще офицеръ или его вѣстовой не могли у насъ появляться верхомъ иначе, какъ на мундштукѣ—уздечка въ манежа была запрещена еще десять лѣтъ тому назадъ. Во все это долго не вникали у насъ, а кое-гдѣ можетъ быть и до сихъ поръ недостаточно вникаютъ въ эти на видъ маловажныя детали коннаго спорта, отчего тормозятъ дѣло, и безъ того, вслѣдствіе нашихъ климатическихъ условій, сильно задерживаемое и требующее наибольшихъ льготъ и поощреній. Такой большой городъ, какъ Варшава, напримѣръ, не имѣетъ ни одной мягкой верховой дорожки.

Присутствуя на занятіяхъ съ нижними чинами кавалеріи, я, признаться, ожидалъ видѣть въ нихъ хотя и не отсутствіе дисциплины, но по крайней мѣрѣ «небольшую дозу» ея, если можно такъ выразиться — приготовился увидѣть своего рода «вольнаго гражданина» въ военной формѣ. Но я жестоко ошибся. Нижніе чины, въ кавалеріи по крайней мѣрѣ, — это крестьяне, въ числѣ которыхъ много бретонцевъ. Они добродушны, почтительны, въ высшей степени дисциплинированы и смотрятъ на офицера какъ на своего барина, также какъ и у насъ. Новобранцы 2-го Кирасирскаго полка, которыхъ пришлось видѣть, напомнили мнѣ типъ нашего солдата, особенно малороса. Такой бретонецъ горитъ желаніемъ исполнить, угадать, такъ сказать, всякое приказаніе или желаніе офицера.

Занятія гимнастикой ведутся въ этомъ полку, да и во всей французской кавалеріи, весьма толково. Надо сознаться, что въ этомъ отношеніи у насъ меньше системы и терпѣнія; многіе наши молодые офицеры, да иногда и старшіе начальники не придаютъ систематическому обученію этой отрасли службы большого значенія.

У нашихъ союзниковъ удѣляется въ началѣ масса времени на пассивную гимнастику, размягающую всѣ члены и мускулы и дѣлающую человека гибкимъ и ловкимъ. Потомъ уже слѣдуютъ различныя упражненія на машинахъ, а въ особенности гимнастика (вольтижировка) на стоящей живой лошади; послѣдняя доведена до совершенства. Деревянной лошади во французской кавалеріи вовсе нѣтъ, а то, что у насъ на ней продѣлываютъ, исполняется тамъ на живой, выбираемой конечно между наиболѣе спокойными. Оно и гораздо логичнѣе, потому что дѣлаетъ человека смѣлымъ,

ловкимъ и развиваетъ эту ловкость на живомъ конѣ, на которомъ ему придется жить, сражаться, а можетъ быть и умирать за родину. Деревянная кобыла — это плохой замѣститель живого коня, остатокъ отъ того времени, гдѣ придумывали что угодно, лишь бы поменьше выводить лошадей изъ конюшни. Вольтижировка на кордѣ на живой лошади ведется тоже съ большимъ знаніемъ дѣла, и результаты достигаются великолѣпные. Вообще конница тамъ работаетъ весьма усердно. Все утро занято ѣздою, вольтижировкою, преодоленіемъ препятствій на полковыхъ плацахъ. Поля, предназначенныя для ученій, тоже тутъ же подъ рукою или по близости казармъ. Даже въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ всякій квадратный аршинъ земли представляетъ громадную стоимость, вышеупомянутому кирасирскому полку до учебнаго поля и версты-то нѣтъ. А какое чудное поле! Мягкій, песчаный, эластичный грунтъ. На мѣстѣ, отведенномъ для кавалеріи, уже пѣхота не занимается и не утрамбовываетъ почвы. Такіе плацы во всѣхъ полкахъ Франціи, да и въ Германіи и Австріи предназначены исключительно для кавалерійскихъ частей. Они снабжены массою естественныхъ и искусственныхъ препятствій. У насъ военныя поля состоятъ обыкновенно въ вѣдѣніи пѣхотнаго начальства, не позволяющаго иногда устраивать препятствій. Кромѣ такихъ спеціально-кавалерійскихъ военныхъ учебныхъ полей, есть и великолѣпно содержанныя полковыя плацы для производства ѣзды; манежи, шпринггартены и отдѣльно стоящія разнообразныя препятствія имѣются въ изобиліи. Но что мнѣ больше всего понравилось, это ванны или бассейны, которые обязательно имѣтъ въ каждой кавалерійской части. Тамъ замываютъ лошадей или ставятъ въ воду тѣхъ, копыта или сухожилья которыхъ, а также наливы требуютъ этого. Такая ванна имѣетъ обыкновенно длину въ 15—20 шаговъ, ширина ея нѣсколько меньше. Величина этихъ ваннъ впрочемъ различна въ разныхъ полкахъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ она вдвое, втрое больше; въ такомъ случаѣ это почти прудъ. Черезъ него пропускается «по четыре» или по-взводно возвращающійся съ ученія полкъ, когда, послѣ ненастной погоды, всѣ лошади въ засохшей грязи. Тогда на затираніе ихъ достаточно полчаса, а не нужно двухъ полныхъ часовъ, какъ у насъ иногда.

Въ 7-й драгунскій полкъ, расположенный въ Фонтенебло (которымъ командуетъ полковникъ Шерфисъ, авторъ извѣстнаго сочиненія о конницѣ), я былъ любезно приглашенъ на полковое ученіе. Оно началось не съ медленнаго выстраиванія эскадроновъ,

безконечнаго выравниванія и выжиданія прибытія начальства. Полку въ казармахъ, когда собирались только сѣдлать, дано было тактическое предположеніе. Его повелъ старшій офицеръ, а мы съ командиромъ, который принялъ на себя роль руководителя, встрѣтили полкъ по дорогѣ. Походное движеніе исполнено превосходно. Видъ людей и лошадей, сѣдловка, снаряженіе безукоризненны. Типъ лошадей сухой, нѣсколько поджарый (по нашимъ недостаточно современнымъ понятіямъ). Ростъ ихъ около 4-хъ вершковъ въ среднемъ. Почти всѣ полуукровки, а подъ большинствомъ унтеръ-офицеровъ чистокровныя лошади. Подтянутый видъ объясняется тѣмъ, что во Франціи, точно также какъ и въ Германіи и Австріи, съ вопросомъ о тѣлахъ покончили давно. Выводокъ, въ родѣ нашихъ, вѣчнаго соревнованія въ тѣлахъ и дѣленія на разряды по содержанію не знаютъ. Оттого и галопируютъ много и цѣнятъ кровную лошадь въ строю. Вслѣдствіе того, что нѣтъ «соревнованія въ тѣлахъ», не бываетъ и запала. У сѣдель одна широкая подпруга.

При прохожденіи лѣса, надо было любоваться работою авангарда и вообще тактической подготовкою всего полка до послѣдняго новобранца включительно. Каждый унтеръ-офицеръ, ефрейторъ, каждый всадникъ понималъ прекрасно возлагаемое на него порученіе и связь его съ поставленной полку задачею. Тутъ прискакиваетъ одинъ съ обстоятельнымъ словеснымъ донесеніемъ о томъ, что непріятельскій эскадронъ пошелъ въ обходъ лѣса; за нимъ другой, присланный сержантомъ, открывшимъ сильный разъѣздъ противника, прогнать котораго онъ не въ состояніи, почему онъ проситъ поддержки. Съ другого конца скачетъ опять драгунъ съ докладомъ о томъ, что только-что гдѣ-то открыта засада. Авангардъ выдѣляетъ: тутъ взводъ, тамъ 5—6 человекъ, которыхъ прискакавшіе всадники принимаютъ, такъ сказать, и ведутъ, живо интересуясь всѣмъ маневромъ. Не пришлось слышать вполне законнаго, но свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ участіи къ дѣлу, вопроса: «А мнѣ прикажете возвращаться туда, или отправиться въ свой эскадронъ?» Всякій изъ нихъ знаетъ, гдѣ и для чего онъ нуженъ. Командиры управляютъ своими людьми полусловами и знаками, подобно капельмейстеру, руководящему оркестромъ. Никто не бездѣйствуетъ ни одной минуты. Лѣсъ живо прѣйденъ, задача рѣшена, и тогда командиръ принимаетъ команду надъ полкомъ самъ, поручивъ меня попеченію одного изъ старшихъ офицеровъ. Произведено нѣсколько устав-

ныхъ перестроеній и атакъ. Направленіе, ровность алжуровъ, стройность великолѣпны. За интервалами не гоняются. Этого слова даже не слышно, ибо проведенъ принципъ, что интервалъ—это буферъ, а не какая-нибудь строго предписанная величина, о которой надо заботиться все время, въ ущербъ чему-нибудь другому, болѣе важному. Затѣмъ послѣдовало опять тактическое ученіе. Оно произведено ловко и энергично. Какъ уставное, такъ и тактическое ученіе произведены почти-что все время на полево́мъ галопѣ. Во время уставнаго ученія можно было еще соображать, куда стать или гдѣ ѣхать, чтобы видѣть все наилучшимъ образомъ, но тактическое изобиловало такою массою случайностей и неожиданностей, равно какъ и различными эволюціями отдѣльныхъ эскадроновъ для парированія онымъ, что приходилось удирать въ сторону полнымъ ходомъ, чтобы не помѣшатель атакующимъ другъ друга, да и не быть раздавленнымъ ими.

Послѣ этого ученія я, несмотря на то, что былъ въ партикулярномъ платьѣ, вернулся въ городъ во главѣ полка въ группѣ старшихъ офицеровъ. Впереди насъ ѣхали трубачи, играя различные марши. Трубы у нихъ другія, чѣмъ у насъ, безъ клапановъ, какъ мнѣ показалось, простыя сигнальныя; и строй какой-то особый, высокій. Несмотря на это, они играютъ массу пьесъ, хотя сложныхъ оперныхъ сочиненій не въ состояніи исполнять.

Узнавъ о томъ, что на ученіи будетъ русскій офицеръ, масса публики пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ высыпала на учебное поле и построилась послѣ ученія у выхода съ поля, пропуская полкъ мимо себя. По прибытіи въ казармы меня попросили въ дежурную комнату, гдѣ появилось шампанское, провозглашены тосты, трубачи играли нашъ гимнъ. Вообще этотъ день будетъ для меня пріятнымъ воспоминаніемъ.

Офицерскія собранія не вездѣ существуютъ. Въ большинствѣ полковъ имѣется лишь дежурная комната (*salle d'honneur*), а офицеры обѣдаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ въ ресторанахъ: штабъ-офицеры отдѣльно, эскадронные или ротные командиры въ отдѣльной комнатѣ или отдѣльной гостинницѣ, младшіе офицеры всѣ вмѣстѣ. То-же правило соблюдается и тамъ, гдѣ есть собранія. Лишь послѣ завтрака или обѣда всѣ чины соединяются въ общей залѣ за кофе и ликерами. Это старый традиціонный французскій обычай, не лишенный основанія, хотя онъ нашему брату кажется чѣмъ-то страннымъ.

Въ 28-й драгунскій полкъ я, къ несчастію, явился лишь на-

канунъ отъѣзда, въ субботу послѣ обѣда. Разрѣшеніе отъ военнаго министерства я получилъ поздно и не могъ откладывать своего отъѣзда, такъ какъ меня ждали въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Сомюрѣ. Я въ этомъ полку видѣлъ лишь фехтованіе унтеръ-офицеровъ, но былъ пораженъ искусствомъ, съ которымъ эти нижніе чины владѣютъ рапирю и саблею. Затѣмъ показаны мнѣ были всѣ помѣщенія полка. Осмотръ конюшенъ, манежа, коннаго лазарета и кузницы привелъ меня прямо въ восторгъ. Все устроено съ такую роскошью, что захотѣлось почти-что быть лошадыю, дать себя полѣчить, подковать! Огромныхъ размѣровъ бассейнъ для лошадей и тутъ привелъ меня въ удивленіе.

Поѣздка въ Сомюрскую кавалерійскую школу была очень интересною. Не говорю уже о любезности и предупредительности, съ которою меня принимали и показывали все; но и то, что пришлось видѣть, обращало на себя вниманіе.

Въ школѣ больше 1,000 лошадей, изъ нихъ около 350 чистокровныя. Послѣднія покупаются школою въ 2-хъ—3-хъ-лѣтнемъ возрастѣ, иногда даже годовиками. Покупаемыя 3-хъ-лѣтки отскакали уже одинъ сезонъ, 2-хъ-лѣтки участвовали хотя въ нѣсколькихъ скачкахъ. Затѣмъ онѣ выдерживаются въ школѣ, какъ на заводахъ, въ громадномъ выгонѣ. Ихъ прогоняютъ ежедневно черезъ большой, круглый, снабженный массою всевозможныхъ препятствій шпринггартенъ, который составляетъ одновременно ограду дуга или выгона, на которомъ пасутся или бѣгаютъ всѣ эти молодя, не взятыя еще въ выѣздку лошади. Онѣ остаются на открытомъ воздухѣ весь день, во всякую погоду и во всякое время года, заводясь лишь поздно вечеромъ въ великолѣпныя конюшни, гдѣ имѣются просторные денники; а съ ранняго утра, еще до разсвѣта ихъ вновь выпускаютъ. Такимъ образомъ изнѣженность, приносимая ими изъ скаковыхъ конюшенъ, пропадаетъ совсѣмъ. Неудивительно, что такъ воспитанная лошадь и закалена, и вынослива, а главное, что она прыгаетъ потомъ въ зрѣломъ возрастѣ черезъ все, что угодно.

Не могу не описать одного оригинальнаго препятствія, имѣющагося въ вышеупомянутомъ шпринггартенѣ. Я видѣлъ разнообразныя барьеры въ Англии на охотѣ. Тамъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то англичанинъ на первоклассномъ гунтерѣ прыгалъ весьма увѣренно черезъ проволочный заборъ, который всѣ объѣзжали: казалось, что развѣ одинъ умъ человѣческій способенъ былъ бы опредѣлить, что эту тонкую металлическую нитку нельзя за-

дѣть, а нужно черезъ нее перепрыгнуть, ибо иначе упадешь, порѣжешься. Но такого препятствія, какъ въ Сомюрскомъ шпринггартенѣ, я еще не видѣлъ. Оно состоитъ изъ доски, вѣрнѣе, толстаго прочнаго бревна, перекинутаго черезъ оврагъ, ширина котораго не допускаетъ возможности прыжка черезъ него. Глубина оврага небольшая, но берега отвѣсны, такъ что пробраться можно лишь по бревну-мосту, ширина котораго не больше 8-ми—10-ти вершковъ. Такого рода препятствія, т. е. мостики для пѣшеходовъ встрѣчаются весьма часто на западѣ. Иногда они весьма прочны и представляютъ изъ себя въ сущности пустое препятствіе, совершенно безопасное, а тѣмъ не менѣе способны остановить лучшаго гунтера на охотѣ, а также развѣздъ на маневрахъ или въ военное время и это только потому, что лошади съ подобнаго рода препятствіемъ незнакомы. По этому мостику и пробираются по одному всѣ эти жеребята, подлетая полнымъ ходомъ, дѣлая у этого препятствія выдержку, пропуская впередъ болѣе смѣлыхъ, болѣе привычныхъ къ нему трехлѣтокъ. Въ началѣ, какъ мнѣ говорили, новые жеребята жмутся, мѣшajúть другъ другу, падаютъ въ оврагъ, въ особенности когда послѣ дождей бревно это скользкое; но въ послѣдствіи все идетъ гладко.

Школѣ раньше ставили въ упрекъ, что она слишкомъ строго раздѣляетъ манежную ѣзду отъ полевой, имѣя для каждаго изъ этихъ двухъ видовъ или подраздѣленій ѣзды особыя учителя и лошадей. Ничего подобнаго теперь не существуетъ. Новый начальникъ школы генераль де-ля-Сель внесъ массу свѣжаго, бодрого въ програму занятій, поднялъ въ высшей степени полевое дѣло, и Сомюрская школа справедливо гордится достигнутыми въ послѣднее время результатами. Тѣ же чистокровныя лошади исполнили въ моемъ присутствіи сначала въ пилярахъ безъ всадниковъ, а потомъ въ тѣхъ же пилярахъ съ ѣздокомъ такъ называемые «школьные прыжки на воздухѣ». Онѣ же послѣ этого продѣлали въ смѣнѣ подъ ѣздоками всѣ требованія высшей школы (левады, пезады, балотады, капріюли). Все это исполнялось одновременно по командѣ, какъ однимъ человѣкомъ, всѣми ѣздоками. Вообще Сомюрская школа сохранила массу традицій и обычаевъ древняго исчезающаго искусства высшей школы. Такъ, на примѣръ, для этого рода ѣзды имѣются особыя сѣдла, какъ они употреблялись въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда исполняются знаменитые Сомюрскіе карусели, сѣдла эти покрываются особаго рода вальтрапами; ѣздокамъ для

этихъ, имѣющихъ мѣсто 3—4 раза въ годъ, торжествъ, присвоенъ особый мундиръ, бѣлыя лосины, треугольныя шляпы и т. п. Вѣнская школа тоже хранить и поддерживаетъ это искусство ѣзды; но тамъ это все и составляетъ единственную цѣль заведенія, не имѣющаго ничего общаго съ военнымъ міромъ. Сомюръ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большаго вниманія, такъ какъ тѣ же, отходившія «высшей ѣздой» лошади, сдѣлали въ томъ же манежѣ, подъ тѣми же ѣздоками, 50—60 полевыхъ прыжковъ черезъ всякаго рода барьеры, которые внесены были подъ конецъ. Прыжки эти были произведены и смѣною, и врознь, и на встрѣчу другъ другу, и все съ полного хода. Масса прыжковъ совершенна вкось. Все это продолжалось минутъ десять, такъ что пришлось на каждую лошадь по крайней мѣрѣ 50—60 прыжковъ. Каждый прыжокъ плоскій, на лету: ни одна не замаялась, не остановилась передъ барьеромъ, не сбавила хода. Все это продѣлывается, хотя и не каждый день, но 3—4 раза въ недѣлю. Каково же было мое удивленіе, когда я послѣ обѣда, во время полеваго упражненія, имѣвшаго мѣсто въ 15-ти—20-ти верстахъ отъ казарменнаго расположенія школы, узналъ 3—4 лошадей, отѣзженныхъ утромъ высшей школою и, какъ только-что описано, поработавшихъ порядочно.

Полевая ѣзда Сомюрскихъ учениковъ стоитъ того, чтобы и о ней упомянуть: охоты, какъ въ Ганноверѣ или въ австрійской военной школѣ подѣ Вѣною, нѣтъ. Окрестные помѣщики пригласили разъ на всегда весь составъ школы на парфорсныя охоты, и офицеры ѣздить туда группами поочередно. Но правительство арендуетъ для полевой ѣзды въ 15-ти—20-ти верстахъ отъ расположенія школы громадный участокъ земли, величиною около 35—40 квадратныхъ верстъ. Участокъ этотъ выбранъ весьма удачно. Чего тамъ только нѣтъ? Луга, песокъ, болото, ручей, рѣчка, рощи, кусты, лѣсокъ, горки и овраги, подъемы и спуски. Кромѣ этихъ естественныхъ препятствій, на намѣченныхъ тамъ 5 и 6 стипльчезныхъ кругахъ или путяхъ, сооружено или приспособлено еще около 20-ти искусственныхъ препятствій. Въ числѣ ихъ есть весьма серьезныя, трудно преодолимыя. Въ серединѣ этого участка есть горка, а на ней вышка или бесѣдка для наблюденія за ѣздой. Последняя производится такимъ образомъ, что всадниковъ заставляютъ галопировать группами черезъ одинъ изъ имѣющихся тамъ путей (круговъ). Пути эти разнообразны, какъ по длинѣ, такъ и по серьезности имѣющихся на нихъ препятствій. Такимъ образомъ можно соображаться съ возрастомъ и втянутостью лошадей,

увеличивая постепенно требованія. Прежде для этихъ упражненій содержались особыя лошади, такъ называемыя «chevaux de saignée», особое отдѣленіе составляла и высшая школа. Нынѣ все это измѣнено и полевая и манежная ѣзда идутъ рука объ руку. Не всѣ лошади ѣздятся высшею школою, хотя всѣхъ послѣ основательной манежной выѣздки испытываютъ, пробуютъ, однако, не больше одной трети годится для этой ѣзды. Но за то всѣ безъ исключенія проходятъ вышеописанную полевую школу или тренировку; галопы черезъ препятствія на полевомъ участкѣ доходить до 8-ми—9-ти верстъ и больше.

При манежной ѣздѣ исполняется много боковыхъ движеній. Урокъ «плечо въ манежъ» служитъ здѣсь, точно также, какъ и въ Германіи и Австріи, чуть-ли не главнымъ фундаментомъ всей дальнѣйшей выѣздки.

Въ переменномъ составѣ школы есть кандидаты на офицерское званіе и должность ветеринаровъ отъ всѣхъ полковъ, ибо безъ того, чтобы не пройти годичный курсъ въ Сомюрѣ, нельзя быть произведеннымъ въ офицеры въ кавалерію или получить званіе ветеринара. Есть и другой старшій классъ, состоящій изъ поручиковъ, присылаемыхъ послѣ 3-хъ—4-хъ лѣтъ службы въ строю своихъ полковъ на два года. Послѣ этого они опять возвращаются во фронтъ. Въ постоянный составъ школы избираются офицеры, отбывшіе эти двѣ командировки и откомандовавшіе въ своихъ полкахъ эскадронами. Они не могутъ оставаться въ школѣ больше 3-хъ—4-хъ лѣтъ, дабы эта школа поддерживала постоянно связь со строевыми частями, знала ихъ нужды и недостатки, знала, что и какъ надо исправлять и вообще какое направленіе придавать обученію.

Окрестности Сомюра и дорога туда изъ Парижа очень живописны. Дома крестьянъ, да и разныя дачи построены наполовину въ скалахъ, какъ бы прилѣплены къ нимъ. Вообще можно сказать, что всякій кавалеристъ, который, находясь въ Парижѣ, предприметъ это путешествіе, на что надо пожертвовать всего двумя—тремя днями, вынесетъ изъ этой поѣздки самое лучшее впечатлѣніе.

Кончая описаніе моего пребыванія во Франціи, хочу упомянуть и о французскихъ женщинахъ, хотя бы потому, что сдѣлалъ это раньше относительно англичанокъ. Француженку мы знаемъ, по крайней мѣрѣ мы думаемъ, что намъ знакомы всѣ «ея положительныя и отрицательныя качества»: живость темперамента, грація, ловкость, умѣніе одѣваться со вкусомъ и нравиться мужчинамъ,

кокетство, легкомысліе, расточительность, повадливость. Все это можетъ касаться, и то лишь отчасти одной развѣ парижанки; оно вѣрно по отношенію къ извѣстному сорту, роду женщинъ, начиная съ очень свѣтской дамы, занятой одними балами, туалетами и тѣмъ, чтобы за нею ухаживали, затѣмъ, нѣкоторыхъ актрисъ и кончая модисткою и парижской швейкою. Но, отправившись въ провинцію или заглянувъ въ болѣе скромные и серьезные кружки самаго Парижа, хотя бы въ офицерскую среду, вы будете поражены духовными качествами французской женщины: это серьезные, скромныя существа, самыя вѣрныя жены, лучшія матери, великолѣпныя, расчетливыя хозяйки, что не мѣшаетъ имъ быть подчасъ очень красивыми, гораздо красивѣе упомянутыхъ выше дамъ и обладать значительною дозою положительныхъ качествъ, присущихъ элегантной парижанкѣ.

Ницца и Монако.

Изъ Парижа я отправился черезъ Марсель въ Ниццу. Между послѣдними двумя городами начинается чудная, живописная мѣстность, называемая «la cogniche», которая тянется вплоть до Генуи. Съ одной стороны вагона вы все время видите живописныя горы, скалы съ крутыми обрывами, раскинутыя террасы, роскошно устроенныя сады, виллы. Пальмы, акація, кактусы, апельсины, лимоны растутъ въ этихъ садахъ. Это также родина всевозможныхъ цвѣтовъ. Выглянувъ въ противоположное окно вагона, глазамъ вашимъ представляется море, чудный лазурный цвѣтъ котораго можетъ соперничать съ цвѣтомъ моря въ окрестностяхъ Неаполя. Вы ѣдете все время вдоль и вблизи моря, почти что въ непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи. Берега извилистыя, бухтъ масса, такъ что желѣзнодорожный путь крутится постоянно, проложенъ «змѣйкой», такъ сказать, причемъ пробито много тунелей. Вся эта мѣстность обладаетъ, вслѣдствіе какихъ-то метеорологическихъ данныхъ, теплымъ, мягкимъ, морскимъ климатомъ. Подобнымъ климатомъ многіе, расположенные значительно южнѣе города Италіи или Испаніи, и то похвастаться не могутъ. Край изобилуетъ массою лѣчебныхъ мѣстъ, зимнихъ климатическихъ станцій, и всѣ эти мѣста стали теперь моднымъ рандеву всей Европы и Америки. Родовая и денежная аристократія всего міра съѣзжается туда, и мѣстность эта утратила свое первоначальное лѣчебное значеніе. Канъ, Болье, Ницца, Монте-Карло, Санъ-

Ремо, Ментонъ и масса другихъ городковъ изобилуетъ иностранцами, въ числѣ которыхъ преобладаютъ англичане и американцы. Большою приманкою служить рулетка въ Монако (Монте-Карло), куда изъ всѣхъ этихъ мѣстъ можно легко съѣздить въ послѣобѣденное время по желѣзной дорогѣ и вернуться къ вечеру домой, избѣгая такимъ образомъ необходимости жить въ самомъ Монако, доступномъ вслѣдствіе страшной дороговизны своей однимъ милліонерамъ. Между тѣмъ, многіе изъ упомянутыхъ курортовъ, хотя и дороги, но въ сравненіи съ Монако или ближайшими къ нему Ниццею и Канъ считаются болѣе дешевыми мѣстами пребыванія. Дороговизна тамъ страшная вездѣ. Первоклассные рестораны и гостиницы устроены роскошно. Вообще видно, что деньги для пріѣзжающихъ жить туда не играютъ никакой роли.

Въ Ниццѣ пришлось видѣть французскихъ альпійскихъ стрѣлковъ. Молодцеватый видъ этихъ жителей горъ, красивая, нѣсколько оригинальная форма придаетъ имъ еще больше молодцеватости; они прямо бросаются въ глаза.

Видѣлъ и войска князя Монако. Ихъ всего около ста чело-вѣкъ и нѣсколько офицеровъ. Всѣ они наемныя, ибо жители этого княжества освобождены отъ воинской повинности. Жалованье громадное; рядовой получаетъ около двухъ рублей въ день! Вся территория княжества равняется четыремъ квадратнымъ верстамъ съ 9,000 населенія. Число же пріѣзжающихъ или проживающихъ тамъ иностранцевъ доходитъ въ нѣкоторые годы почти до миліона. Но это все-таки самостоятельное государство и династія Гримальди царствуетъ благополучно уже больше 1,000 лѣтъ, хотя страна бывала по временамъ захватываема противникомъ (напримѣръ, во время Наполеоновскихъ войнъ). Жители княжества бѣдствовали. питаясь рыбою и фруктами; но чудный климатъ и восхитительная природа навели на мысль перенести туда рулетку изъ Гомбурга, когда въ 60-хъ годахъ ее тамъ и вообще въ Германіи запретили. Очевидно, что рулетка привлекла въ Монако и въ упомянутыя ближайшія мѣста все, что ѣздило и поселялось до того въ Гомбургъ и его окрестностяхъ. Владѣльцы рулетки платятъ князю громадную аренду за право содержанія ея. Эта аренда составляетъ единственный, но весьма солидный государственный доходъ, давшій возможность освободить всѣхъ подданныхъ отъ платы ка-кого бы то ни было налога и отъ отбыванія воинской повинности. Правленіе казино, гдѣ происходитъ игра, тратитъ значительныя суммы на украшеніе города и всей этой и безъ того обильно ода-

ренной отъ природы мѣстности. Гостиницы, рестораны, магазины, театры и всевозможныя увеселенія, отличныя дороги, всевозможныя экскурсіи—все это появилось въ скоромъ времени, и вообще перещеголяло во всемъ прежнее игорное мѣсто Гомбургъ.

Внесши, какъ большинство иностранцевъ, свою лепту на увеличеніе государственнаго дохода, т. е. проигравъ небольшую сумму денегъ въ рулетку, я покинулъ Монако и отправился въ Италію, пробывъ по двѣ недѣли въ среднемъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренці, Миланѣ, Болоньи и Венеціи.

Н. Вольфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

